

Х.Доннер. Любительство

Я наконец-то началось разрушение стены между любительским и профессиональным спортом! Организаторы Уимблдона разрешили участвовать в турнире всем спортсменам без ограничения. Интерес в обществе к спорту в этой связи необычайно возрос. У меня, во всяком случае, в течение двух недель взяли три интервью. Не было бы лучше, если бы вы делали что-нибудь более полезное? И сколько же вы зарабатываете этой самой игрой в шахматы? Вы действительно получаете удовлетворение от этой вашей «работы»? Создается впечатление, что если ты содержишь семью на деньги, заработанные на шахматах, то являешься в глазах общества белой вороной. В нашей маленькой стране у моря бродит еще гигантский призрак любительства.

В шахматах любительство никогда не принималось всерьез. В 20-х годах неоперившаяся еще Международная шахматная федерация вошла в конфликт по этому вопросу с Олимпийским комитетом. ФИДЕ не хотела иметь ничего общего с Олимпийскими играми, но, чтобы не выглядеть бедными родственниками, мы теперь проводим раз в два года наши собственные Олимпиады. С тех пор понятие «любитель» приобрело в шахматах несколько иной смысл, чем в других видах спорта. «Любитель» у нас — это шахматист, который на самом деле «нечто другое». В каждом международном турнире принимают участие два-три таких любителя. Настоящие шахматисты боятся их, как чумы. Поскольку любители ничем не рискуют и «играют только для своего удовольствия» (какое фарисейство!), они могут представлять опасность в первую очередь для других любителей, но иногда и для настоящих игроков. Пока любитель играет слабо, его еще можно вынести, но расслабляться при встрече с ним не рекомендуется.

Раньше любители встречались даже среди сильнейших игроков. В своей книге «Золотые шахматные времена» один из самых известных любителей, профессор Милан Видмар из Югославии делится своими мыслями по данному поводу.

Этот высокоученый джентльмен был профессором электротехники или что-то в этом роде в Высшей технической школе в Любляне. Видмар, кстати, входил в десятку лучших шахматистов мира — я говорю о 20-х годах, когда шахматный мир выглядел по-другому, чем в наши дни. После прочтения книги Видмара создается впечатление, что она написана с единственной целью: показать, что автор не стал чемпионом мира только из-за постоянной нехватки времени, вызванной занятостью по основной работе. Без всякого сомнения, это удалось бы ему с легкостью, если бы не многочисленные нагрузки, неотложные обязательства, одним словом, вы понимаете...

Беспристрастный взгляд говорит о другом: Видмар был очень сильный ни-чейщик, чью боязливую манеру игры до сих пор можно заметить в партиях его

Любительство

69

соотечественников. Из книги Видмара видно, что он, ратуя за статус «любителя», восстает против профессионализма, «одержимости спортом» и т.д.

Характерен один из эпизодов книги, когда Видмар самодовольно рассказывает, как он после выигрыша у Нимцовича на турнире в Нью-Йорке (1924) возвращался с ним по Бродвею в гостиницу. Нимцовича можно без всякого преувеличения назвать одним из самых больших художников, которых знала наша игра. Он автор замечательнейшей книги, когда-

либо написанной о шахматах, — «Моя система». Нимцович был абсолютно одержим шахматами! Он не делал в своей жизни ничего другого и умер от профессиональной болезни шахматистов: паранойи.

Так шли они по Бродвею: реинкарнация самих шахмат на земле и профессор электротехники. И профессор только что выиграл партию. В этот момент, как пишет Видмар, Нимцович спросил у него: «Почему, почему ты не остался дома у своих телефонов?!»

Каждый, кто действительно любит шахматы, подписался бы немедленно под этим замечанием. Видмар же пускается в длинные рассуждения, из чего следует, что он ничего не понял из вопроса Нимцовича, да и понять не мог, потому что он — «нечто другое».

Интуитивное понимание того, что любительство ник чему хорошему не приведет, появилось в нашей стране в 1935 году, когда любитель — Эйве был тогда учителем в женской гимназии — завоевал звание чемпиона мира, победив Алехина. Многие до сих пор полагают, что Алехин был сильнейшим шахматистом всех времен, но я не разделяю этого мнения. То, что Эйве победил этого волшебника, шахматный мир воспринял далеко не однозначно. По общему мнению, Алехин во время матча слишком часто заглядывал в рюмку.

В Голландии многие тоже объясняли успех Эйве этим фактом, хотя здесь я должен оговориться, что мы имеем дело с очень распространенным суждением, характерным для нашей маленькой страны: голландец никогда не способен добиться чего-нибудь выдающегося. Поэтому-то любительство и пустило у нас такие глубокие корни. Крупный успех объясняется обманом или полнейшей одержимостью, что тоже признаётся признаком дурного тона. На самом деле в 1935 году Алехин не играл слабее обычного. После анализа партий этого матча приходишь к выводу, что он играл тогда и не хуже, чем два года спустя, когда без видимых усилий отыграл у Эйве «свой» титул чемпиона мира. Но шахматный мир не мог признать любителя сильнейшим игроком. Очень может быть, что Эйве сам чувствовал неловкость своего положения. Если бы он после выигрыша чемпионского звания принял все полученные приглашения на турниры, а не вернулся к своим учительским обязанностям, то выиграл бы у Алехина с еще большим счетом, чем в 1935 году.

Таким образом, в шахматном мире понятие «любитель» означает только одно: тот, кто не вкладывает в шахматы всего себя. И речь здесь идет скорее о психологическом отношении к игре, нежели только о материальных соображениях.

В других видах спорта любительство стало ярким примером фарисейства и обмана. Иногда принцип любительства сохраняется только на бумаге, но бывает — что много хуже, — этого правила придерживаются со всей строгостью. Я не хочу приводить примеров, но каждый, кто хоть немного знаком со спортом, понимает, кого я имею в виду. Что же лежит в основе такого отношения к любительскому спорту?

Существуют целые слои населения, куда входят женщины, слепые, инвалиды, которые имеют возможность соревноваться друг с другом, и это вполне нормально. Немалое количество их выступает в различных любительских соревнованиях, и это тоже совершенно правильно. Но такое разграничение никогда не привело бы к построению настоящего хрустального дворца, куда помещен сегодня любительский спорт.

Нет, за тем фактом, что с самого начала «любитель» рассматривался как благороднейший спортсмен, а «профессионал» — как опасный одержимый, стоит нечто другое. Наибольшая вина здесь лежит на яром проповеднике любительского спорта бароне

де Кубертене. При нем не только отвергались какие-либо денежные призы, но сама спортивная борьба была заменена чистейшей воды идиллией: главное не победа, а участие.

Этот барон, поклонник Древней Греции, ее нравов и обычаев, считавший, что красота и участие важнее победы, в 1928 году с отвращением отвернулся от своего детища — Олимпийских игр, потому что, по его мнению, в них принимало участие слишком много женщин. Его мировоззрение, рассматривающее бескорыстное участие как высший эталон спорта, является типичным мировоззрением богатых, и действительно, его истоки следует искать в «более привилегированных кругах», обладающих неограниченным запасом свободного времени.

Мы сталкиваемся здесь с очень известным явлением: тот, у кого много денег, рассматривает их как что-то совершенно неважное, заслуживающее только презрения. Но богачи хотят не только принизить значение денег, но и наложить табу на способ, которым они эти самые деньги добыли. Иначе трудно объяснить тот факт, что в нашем обществе, где всё основано на соревновании и конкуренции, квинтэссенция соревнования — спорт — осквернен любительскими идеалами.

Действительно, в обществе, где на первом месте находится экономическая целесообразность, должен ли спорт быть рассматриваем как полезное занятие? Ведь спортсмен ничего не производит. Он не «работает» в смысле создания общественного продукта. В обществе, где в расчет принимаются только товары купли-продажи, спорт может существовать только как предмет забавы, удовольствия, отдыха, как предмет роскоши. Поэтому профессиональный спортсмен может утешаться мыслью, что он занимает то же положение в обществе, что и поэт.

Журнал «Авеню», май 1968